

К 100-летию Мориса Симашко

Светлана АНАНЬЕВА

ФЕНОМЕН МОРИСА СИМАШКО

Народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия, лауреат премий имени Абая и имени И. Шухова, Государственной премии Республики Казахстан и премии журнала «Дружба народов», член Национального совета по государственной политике при Президенте Республики Казахстан и Ассамблеи народа Казахстана Морис Симашко был убежден: «...Ни для кого нет какого-то особого пути. Только соединение народов, никак не теряющих своего национального имени, своей души, в единую человеческую общность...»

Его влекли времена древние, ибо, по глубокому убеждению Мурата Ауэзова, он «из истории пришел в наш мир» и обладал редчайшим даром «входить в иные миры, через горький запах полыни просто и убедительно рассказывал нашу историю. Отсюда – абсолютная достоверность характеров от времен Бейбарса и персидского средневековья до современности» [2, с. 3]. Великие ученые, мыслители, правители, поэты, «люди пера» – любимые герои и персонажи его исторических повествований.

Казахстан – страна, вобравшая в себя народы, лишённые своего дома. Такой образ создал М. Симашко: «Так принято здесь от века, что не позволит казах умереть с голоду находящемуся рядом с его юртой человеку, какого бы роду-племени тот не был. Благим делом всегда считалось воспитать сироту

из другого народа» [1, с. 91]. Великолепный переводчик на русский язык произведений Ильяса Есенберлина, Габита Мусрепова, Утебая Канахина, Токена Алимкулова, Дукуенбая Досжана и других казахских писателей, он всемерно пропагандировал казахскую историю и культуру, рекомендовал к изданию в Москве книги отечественных авторов. Известна драматургия М. Симашко, начиная с первой пьесы «На крайнем Юге» (1948). На театральных подмостках Казахстана шел спектакль «Степной комиссар» по пьесе Мориса Симашко, Ануара Алимжанова и Олжаса Сулейменова. Образные миры казахской и русской литератур обогатились в его творчестве и раскрывались новыми, неизвестными ранее гранями.

Мировое литературоведение как область научного знания изучает художественную словесность в оценке критиков и литературоведов, исследует взаимодействие и взаимовлияние национальных литератур. Творчество М. Симашко оказало значительное влияние не только на литературы Центрально-Азиатского региона, более того, его считали основателем жанра исторического романа, но и на литературы России, Франции, Польши, Германии.

Центрально-Азиатский регион издревле служит культурным источником ренессанса. Свобода мысли преобладала в учениях и творчестве Хайяма, аль-Фараби, Баласагуни. В менталитете проживающих на этой территории народов остался след великих караванных путей и кочевий. «Философией жизни, путем через века и цивилизации» называл Великий Шелковый путь М. Симашко. Не придуман он людьми, а является «продолжением человека как творения Божьего, с назначенными ему помыслами и устремлениями. На этом пути, когда пульсировал он без препятствий, вспыхивали в космической тьме костры человеческого духа. Именно тогда, когда день и ночь двигались по нему караваны, на всем протяжении его являлись имена Авиценны, Бируни, Фирдоуси, Хайяма, Хорезми, Рудаки, Рашид ад-Дина, Улугбека, Саади, Фараби, Яссави, Навои, Фраги и много других, без которых распадается связь времен. Большинство их произошло от названий станций и караван-сараев на этом пути. Имена эти иранские, туранские, арабские, еврейские, индийские, тибетские, китайские и те, о которых не ведаем: белых гуннов – эфталитов, саков, тангутов, кушан. Тут, в непрерывном движении, сохранены были от европейского сумрачного застоя Аристотель, Платон, Гиппократ. Костры разгорались от сквозного, дующего через всю ойкумену ветра и меркли, когда закрывались двери» [3, с. 43]. Мусульманский ренессанс, был уверен писатель, происходил на полтысячелетия раньше европейского.

Тема войны и мира была одной из главных в прозе и публицистике М. Симашко. В рецензии на трилогию И. Есенберлина «Кочевники», напечатанной на пишущей машинке и бережно хранящейся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, на которой рукой М. Симашко указано: «*“Кочевники” И. Есенберлина. Издательство “Жазушы” (язык казахский). 1976. Издательство “Советский писатель”. 1976*», называя центральными в трилогии И. Есенберлина проблемы войны и мира, М. Симашко пишет: «Гигантской тысячекилометровой подковой охватывают с юго-востока казахскую степь высочайшие в мире горы. Они – естественная граница этого открытого всем добрым и недобрым ветрам края. Труднопроходимы эти горы. Но в одном месте, там, где снижаются, уходят в землю каменные хребты Тянь-Шаня и лишь в туманной дымке проступает Алтай, самой природой оставлены ворота, откуда вместе с ледяным ураганным ветром век за веком, тысячелетие за тысячелетием вырывались на бескрайние евразийские просторы кровавые, всё уничтожающие нашествия. Волна за волной приливали оттуда полчища

Атиллы, тумены Чингис-хана, безликие полки великоханьских фангуров. Большие и малые смерчи обрушивались прежде на тот древний народ, который испокон веков пас свои стада, строил города и возделывал землю у гор, а потом катились дальше, через всю страну казахов, оставляя пепел и кости. Вот почему от века, лишь только загорались сигнальные огни на сопках, все способные держать оружие устремлялись сюда, чтобы телами своими преградить путь врагу» [4].

Морис Симашко был одним из учредителей и вице-президентом Международного казахского ПЕН-клуба с 6 сентября 1993 года, когда «нас приняли в ряды Лондонского международного сообщества писателей на Мадридском конгрессе, – вспоминал Абдижамил Нурпеисов. – Он был поистине крупным писателем и посему еще при жизни удостаивался завидной высокой чести быть переведенным и изданным во многих странах мира» [2, с. 1]. Этому способствовали, безусловно, острота, яркость и глубина исследовательского мышления, глубокие историко-культурные, философские и литературно-критические знания, сочетание исследовательского интереса с анализом богатейшего, разнообразного и захватывающего историко-литературного и историко-культурного материала. Всё художественно переплавлялось в его удивительную прозу и публицистику.

Идеи культурной дилетанции и культурного трансфера позволяли писателю свободно преодолевать границы между языками, культурными системами, традициями, мировыми цивилизациями, соединяя страны, миры, континенты. В мировой литературе он многое сделал первым и впервые...

Тема «окоема», ограничивающего человеческого разум, так мощно звучащая у М. Симашко в романе «Колокол» об И. Алтынсарине и у Ч. Айтматова в романах «И дольше века длится день...», «Тавро Кассандры», впервые появляется в повести «Хадж Хайяма». Бабуров, изо дня в день ткавших полотно, сидевших за прилавками, переписывавших законы, «пугали откровения рванувшегося в бесконечность разума». Только талантливые и яркие личности могут преодолевать границы и свободно выходить в неизведанный мир.

Повесть М. Симашко «Искушение Фраги», опубликованная на страницах журнала «Новый мир», стала первой повестью о поэте, философе, классике туркменской литературы Махтумкули. О коллективизации и голодоморе он пишет в «Литературных сюжетах». В основе «Писания по Бондарю» – детские воспоминания.

По словам автора, он стремился передать «не одно лишь увиденное собственными глазами, но и некие отзвуки, сполохи памяти, навеки вошедшие в жизнь. Они не могли появиться из ничего. Всё это было...». Концепт *память* на протяжении всего творчества был для М. Симашко определяющим: «Происходившее выстраивалось в памяти много лет спустя из всплесков воспоминаний, обрывков разговоров, неотвратимого осмысления собранных вместе разнородных осколков».

Повесть «Гу-га» – первая о штрафных батальонах во время Великой Отечественной войны. Излюбленный прием автора: ретроспекции, смешение временных пластов; военное прошлое, переходящее в настоящее, и настоящее как предпосылка воспоминаний военных лет. Повесть автобиографична. Война калечит и перемалывает людей. По дороге на фронт «закат в степи совсем другой: *красный, в черно-синих тучах*. Мы едем теперь прямо в этот закат» [5, с. 409]. У М. Симашко особое построение фразы, а эпитеты словно отсылают к названию первой повести «В Черных песках», посвященной Борису Лавреневу, его первому редактору. Именно в ней первые подступы

к теме древнего Востока. Давно минувшее воскрешено рукой талантливого мастера художественного слова в его исторической прозе.

Истоки противостояния и смертельной ненависти героев повести Чары и Шамурад-хана – в глубокой древности. Прошлое как реальность – одна из форм существования прошедшего в художественном времени произведения. Объявившийся внезапно Шамурад-хан «шакалом петляет по пустыне». Теплый, ласкающий ветерок пустыни «нес с собой пьянящий запах *емшана*, горький дымок от горящей колючки и едва уловимый привкус соли... По всей пустыне разбросаны высохшие за лето озёра. На дне тонким сверкающим слоем лежит белая соленая пудра. Ветерок подхватывает легкие невидимые кристаллики, и они гуляют с ним из края в край над тяжелыми песками. Вот почему появляется иногда на обветренных губах привкус соли» [6, с. 425]. Это первое объяснение концепта *память* в прозе М. Симашко. Емшан, пуд соли, о которых он будет писать впоследствии.

Тема Востока, его искусства и науки проходит красной нитью через цикл «Повести Красных и Черных песков», объединяющий «Искушение Фраги», «Хадж Хайяма», «Емшан». Если первая повесть повествует о жизни и творчестве классика туркменской поэзии XVIII века Махтумкули Фраги, мужественного и величественного, готового пожертвовать своей жизнью, то в центре внимания следующей – формирование мировоззрения великого мыслителя и астронома, философа, поэта Омара Хайяма, жившего в эпоху императора Санджама из династии Сельджукидов, о котором аль-Кефти отзывался следующим образом: «Он подчинил разум своей воле и совершил хадж, побуждаемый боязнью людей, а не страхом перед богом». Омар Хайям вместе с Фирдоуси и Авиценной способствовал иранскому возрождению, которое достигло расцвета четыре века спустя после арабского завоевания.

В глубокой, а подчас и древней истории он находил параллели с настоящим, постоянно подчеркивая, что история порой ничему не учит: «Коллективная память человечества – до сих пор не изученная наукой категория, как дальние птичьи перелеты к своим гнездовьям...»

Тяжкий жизненный путь султана Бейбарса, правителя Египта, – в центре повести М. Симашко «Емшан». Он сам назвал себя Бейбарсом, чтобы боялись твердости его имени. Мамелюки поклонялись ему беспрекословно, правил он жестко и жестоко. Он дал мамелюкам власть в стране Миср.

О султани Бейбарсе размышляют Мухтар Шаханов и Чингиз Айтматов в книге-диалоге «Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века)». Ему посвящает роман «Мамлюк» Ермек Турсунов.

Увлечение персидской культурой ярко проявилось в романе «Маздак» (IV век), в котором описывается история зороастрийского мага-революционера. Основные события периода династии Сасанидов разворачиваются в романе от окрестностей Ктесифона (недалеко от Вавилона) до Самарканда и Константинополя. В центре повествования – реальные исторические личности: Маздак, царь Кавад, царский писарь Авраам. Три могущественных государств – Византия, Персия и Туран.

«Языки, как и книги, пахнут по-разному. Одни – травой, другие – теплым молоком или морем. И цвет у каждого свой: синий, красный, золотой. Даже привкус от слов различный остается во рту. Спокойные и беспокойные бывают они...» [7, с. 38]. В романе «Маздак» – особое отношение к мировым языкам. Несобственно-прямая речь Авраама, удачно включаемая в ткань повествования, передает и этимологию слов. Это – отличительная черта стиля М. Симашко.

Великолепный переводчик и тонкий стилист прекрасно понимал важность научного подхода к проблемам художественного перевода и продумывал его оптимальные пути. В интеллектуально насыщенной книге публицистики М. Симашко «Дорога на Святую Землю», увидевшей свет в конце 90-х годов прошлого века в Алматы, словно пунктиром намечены многие темы, получившие дальнейшее развитие в «Четвертом Риме». В «Четвертом Риме» предпринята попытка осмысления своего творческого пути и того, что случилось с Родиной, большой и малой, в трагическом XX веке. Автор сам размышляет о жанре: «Просто биографией это всё же не назовешь, для исторических заметок тут слишком много личностного, для политического исследования – мало серьезности, сатиру я тоже не собирался писать, назвать это “Повестью о жизни” – банально. Роман?..»

В новелле «Великий Шелковый путь, или Анабазис с иностранцами», открывающей «Дорогу...», автор воссоздает историю своих поездок с деятелями культуры, писателями, журналистами Франции по странам Центральной Азии. Усовершенствовала свой русский, слышанный ею от деда, жившего когда-то в Ростове, и сделала перевод своей профессией «парижанка до мозга костей», ко всему относящаяся с серьезностью Лили Дени. Изящная и непреклонная Лили Дени была награждена за участие во французском Сопротивлении. Благодаря её переводам французский читатель знакомился с литературой Казахстана и России. М. Симашко открывал для себя Францию и ее историю. Лили Дени перевела на французский язык роман «Маздак», перевела мастерски, сохранив исторический колорит воссоздаваемой эпохи, передав невероятный контраст Персии тех времен: пышность придворного быта и картины голода. Тем ценнее своеобразное соавторство переводчика, поскольку перевод требовал незаурядной эрудиции и утонченного чувства поэзии. Правоммерно считает Андре Стиль: немалой доле успеха «Маздак» во французском варианте обязан Лили Дени.

Вместе с Морисом Симашко и Лили Дени в путешествие по Великому Шелковому пути отправились Анн Филип, вдова французского актера, писательница и журналистка, ведущая в газете «Монд» раздел литературы и искусства, и врач, поэт, лауреат премии Аполлинера – Лоран Гаспар. В повествование о настоящем времени вплетаются картины юности писателя: «Меня тянуло в мою юность. Хотелось показать Лили и ее друзьям Джизак, где базировалось когда-то наше училище, долину Санзара с надписями полководцев халифа на скалах». Чередование картин прошлого и настоящего – отличительная особенность стиля автора-повествователя. Гробница Тимура, обсерватория Улугбека, усыпальница Шах-и-Зинда, развалины Афросиаба – столицы полулегендарных царей Турана, которые осматривают гости из Франции, – всё это оживает на страницах книг М. Симашко. И сам автор вспоминает юность, перекидывая мостик из настоящего в прошлое.

Путешествуя со своими друзьями по Центральной Азии, так много давшей для его исторической прозы (темы, сюжеты, мифы, предания, легенды и т. д.), М. Симашко описывает древний Мерв, называвшийся в разные исторические эпохи то Маргиана-Александрия, то Маргиана-Антиохия. Из окна вагона виднелись сыпучие барханы величиной с десятиэтажный дом, которые порой обнажали «вытянувшиеся цепочкой верблюжьей и человеческие кости, бронзовую посуду и кипы слипшегося вещества, бывшего некогда шёлком. Здесь же находили греческие вазы с рассказами об осаде Трои, китайские секстанты, арабские астролябии, золотые фигурки Будды, иудейские мезузы, несторианские кресты, шахматные доски и просто косточки – альчики для детской игры»

[3, с. 38]. «Шах городов» – древний Мерв – «стоит» на серой, с невнятными очертаниями холмов равнине, утопающей в волнах сухого горячего моря.

Воссоздавая путешествие с друзьями по Центральной Азии, М. Симашко остается верен себе, наполняя документальную повесть «Великий Шелковый путь, или Анабазис с иностранцами» глубокими раздумьями о прошлом, об истории и роли Великого Шелкового пути, его достопримечательностях, о творениях духа и рук человеческих. Описывая Хорезмский оазис, автор размышляет о том, что чудеса света не обязательно должны быть огромными, как Родосский колосс или пирамиды. «Здесь это был небольшой по сравнению с другими куб усыпальницы Саманидов. Но великая соразмерность и отточенность линий, первородная, гениальная скупость средств выражения заставляли вспомнить, что именно тут рождались алгебра и поэзия дари» [3, с. 34].

Многопланов, мозаичен роман «Семирамида» о Екатерине Второй, она сама оценивала себя: «Я походила на рыцаря свободы и законности». В акадской и древнеармянской мифологиях Семирамида (Шамирам, Шаммурат) – легендарная царица Ассирии. Роман «Семирамида» был выдвинут Казахским ПЕН-клубом на Нобелевскую премию.

Излюбленный прием автора в романе «Семирамида» – раздвигание мглы, пространства, смешение временных пластов. «Какая же связь присутствует между временем, людьми и событиями в мире? Каково обойтись без лукавства и насильственности?» – пожалуй, главные вопросы, над которыми вместе с героиней размышлял и автор.

В романе М. Симашко «Семирамида» вновь ярко проявляется умение писателя так конструировать сюжет и выстраивать композицию, что чтение становится не только интересным и захватывающим, но и высоко интеллектуальным. Властная, умная правительница, «Семирамида Севера» (Вольтер) целью своей политики провозгласила единение российских земель. Европейски образованная, ведущая переписку со многими известными личностями Европы, Екатерина пытается не только восстановить историю Государства Российского («По всему выходило, что некий общий народ с условным именем варягоруcсы обживал эти края в содружестве с финскими народами, и тут же находились родственные им славяноруссы. Когда пришел Рюрик с братьями, то не были среди славян вовсе чужими. В те времена ни для чего не имелось границы: ни для какого государства, народа и языка. Всё ещё только собиралось в единый народ, и самые разнородные части составляли его, добавляясь из века в век»), но и объединить народ («Такое понимание необходимо сейчас для империи, когда на новом, высшем размахе повторяется здесь собирание в единую человеческую общность. От калмыков и до обдоров это делается. Таково обыкновенно и происходит история...»). Да и в Константинополе – «некая пуповина древняя, что связывала еще младенческую Русь с цивилизацией».

Цитируемые подлинные исторические документы удачно встроены в текст романа, их вспоминают действующие лица, читают, сами пишут письма, цитируя труды известных ученых, упоминая имена Ломоносова и Сумарокова, Вольтера и многих других. Переписка с Вольтером будет продолжаться на всем пути Екатерины Великой от Казани до Симбирска. Так продолжается диалог культур и цивилизаций в романе М. Симашко «Семирамида», действие в котором разворачивается на пространствах России, бескрайних и бесконечных. Год или два нужно, чтобы доехать до конца государства.

Величиной безусловной называет нашего писателя и переводчика, сценариста и публициста, драматурга лауреат премии «За духовное возрожде-

ние» и «Звезды содружества» (МФГС), председатель Союза писателей Беларуси, директор ИД «Звезда», главный редактор газеты «Звезда» Александр Карлюкевич. «Начинал М. Симашко как журналист, драматург и прозаик в Марах, древнем Мерве, и Ашхабаде, где потом и я жил и работал, но уже в другое время. Когда народный писатель Туркменской ССР Керим Курбанпесов увидел в моих руках авторитетный во всем Советском Союзе казахстанский литературный журнал “Простор”, он спросил: “А не напечатано ли там что-нибудь Симашко?” Керим-ага был хорошо знаком с Морисом» [8, с. 129]. Морис Симашко, продолжает далее А. Карлюкевич, «моя странная читательская любовь из моей туркменской жизни. Несколько добрых слов о нем из уст народного поэта Туркменистана Керима Курбанпесова, вкусу которого я бесконечно доверял, сделали свое дело. Меня интересует всё то, что он говорил о туркменских своих годах. Что послужило причиной его переезда в Казахстан? С кем из туркменских литераторов он поддерживал связь в казахстанский свой период? С кем переписывался? Не возникла ли в разговорах фамилия Курбанпесова – поэта Керима Курбанпесова?».

Заведующий отделом литературы народов РФ и СНГ Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, лауреат Государственной премии Республики Дагестан, заслуженный деятель науки Республики Дагестан Казбек Султанов высоко ценит произведения М. Симашко «Маздак» и «Емшан», вспоминая, как «в интересных разговорах с Морисом Симашко провел незабываемый месяц в Ялте. М. Симашко знали, конечно, но до сих пор, мне кажется, в полной мере не оценили то, что он сделал в литературе» [9, с. 11].

Тепло и искренне вспоминал поэт из Берлина Александр Шмидт во время одной из наших встреч в Москве, в Российско-Немецком доме, свои беседы и дружбу с Морисом Симашко, подчеркивая: «Малые повести его написаны безупречно». Хранит книги с автографами: «Александр Шмидту от Мориса Шмидта» (по фамилии мамы).

На доме в Алматы, где жил писатель, открыта мемориальная доска. Документальный фильм Александра Головинского «Миры Мориса Симашко» – лауреат многих престижных кинофорумов.

Четвертый год в Алматы по инициативе председателя Совета Ассоциации «Мицва», члена Совета Ассамблеи народа Казахстана Александра Барона в библиотеке имени М. Симашко в день рождения писателя – 18 марта будут проходить Международные литературные чтения. В этот день М. Симашко исполнилось бы 100 лет. Участники предыдущих чтений из Казахстана, Беларуси, Венгрии, Германии, Израиля, Кыргызстана и России провели параллели между творчеством Мориса Симашко и Федора Достоевского, Мухтара Ауэзова, Ильяса Есенберлина, Юрия Домбровского, Николая Анова, Абдижамила Нурпеисова, Ивана Шухова, Дмитрия Снегина, Чингиза Айтматова, Ануара Алимжанова, Ермека Турсунова, Ивана Щеголихина, Владимира Короткевича, Рахимжана Отарбаева. Выявлены образы-символы и концепты, интермедийность. Раскрыт взгляд отечественного, белорусского и французского читателя на мир прозы и публицистики народного писателя Казахстана в контексте мирового литературоведения.

Чтения и впредь, пишет из Минска Александр Карлюкевич, «останутся хорошей международной площадкой, объединяющей литературоведов Казахстана, Беларуси, России, да и многих других стран... Как важно прочитывать, оценивать творчество настоящего писателя и через годы после его ухода. Произведения ведь остаются. Написанное продолжает жить...» [8, с. 134].

Интеллектуальная, увлекательная проза писателя прочитывается в оптике филологического ракурса, имеющего давнюю традицию в мировой науке. Транснациональная история и культурный трансфер, магический реализм в прозе и публицистике нашего неповторимого мастера художественного слова «работают» на преодоление границ текста, культур, литератур. Диалог цивилизаций и культур немислим без знания.

Мировые языки, культуры и книги – в центре повествования Мориса Симашко, который обладал уникальной способностью делать их достоянием вневременным. Он словно рассказывает о себе, ведет, не прекращая, диалог с читателем XXI века. Осмысление феномена Мориса Симашко продолжается.

Литература

1. Симашко М. Прообраз Евразии и искушения Президента // Симашко М. Дорога на Святую Землю. Алматы: Жибек жолы, 1996. С. 83–100.

2. ...И писатель, и друг, и учитель // Литературная газета Казахстана. 2007. 30 октября. С. 1–3.

3. Симашко М. Великий Шелковый путь, или Анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую Землю. Алматы: Жибек жолы, 1996. С. 5–58.

4. ЦГА РК. Оп. 1. Д. 296.

5. Симашко М. Гу-Га // Симашко М. Семирамида. Гу-Га: Роман, повесть. Москва: Советский писатель, 1990. С. 373–506.

6. Симашко М. В Черных песках // Симашко М. Маздак. Повести Черных и Красных песков. Алма-Ата: Жазушы, 1974. С. 369–429.

7. Симашко М. Маздак // Симашко М. Маздак. Повести Черных и Красных песков. Алма-Ата: Жазушы, 1974. С. 13–228.

8. Карлюкевич А. Читая материалы конференции. Морис Симашко: вторая жизнь Востока // Морис Шамис (Симашко). Третьи международные литературные чтения, посвященные творчеству народного писателя Казахстана. Алматы: VESTA, 2023. С. 128–134.

9. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. Караганда: ЖК, 2014. 220 с.

Ежегодная литературная премия

MECENAT.KZ

объявляет конкурс на ЛУЧШИЙ РОМАН о Казахстане

Приглашаем всех авторов, желающих принять участие

Подробную информацию вы можете узнать на сайте mecenatkz.com